

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

105

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

192

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

229

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

256

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

311

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

387

Заплакали сеньоры,
их жены и служанки,
Собаки на лежанках
и дети на руках.

.....
И только ты молчала...

Александр Величанский.
Под музыку Вивальди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Кто-то стоял у обочины. Молния расколола небо, и Карлос увидел, что это парень в черной рубашке, черных джинсах и красных резиновых сапогах, в каких обычно работают в поле; в руке парень держал мачете. Ничего не делал, просто стоял спиной к дороге, лицом к полю сахарного тростника, опустив руки по швам. Это было странно: никто просто так не стоит спиной к дороге, особенно за полночь в полях, когда до ближайшего жилья часа полтора пешком. По этому проселку не ездят машины (только — когда са́фра*), так что попутку здесь не поймать. Как бы то ни было, если кто-то стоит на обочине, то всегда — лицом к дороге. Все это пронеслось в голове Карлоса, пока мир застыл в электрической вспышке — ведь мысль быстрее молнии. А в следующий миг, когда свет погас, Карлос резко затормозил, соскочил с велосипеда и затаился во мраке, сжимая руль вспотевшими ладонями. Он взмок и тяжело дышал. В его возрасте уже не так легко крутить педали, но дело было не в этом. Он испугался почти до обморока, хотя давно надеялся на что-то в этом роде. Мгновение назад незнакомец стоял впереди, шагах в двадцати, там, где дорога поворачивала,

---

* Са́фра (*исп. safra, zafra*) — на Кубе сезон уборки сахарного тростника. (Здесь и далее — примечания автора.)

но теперь, во мраке он мог сделать что угодно: что-то еще более странное, чем просто стоять спиной к дороге, — или что-то страшное. Он мог бы даже подойти вплотную к Карлосу, оставаясь невидимым. Это особенно пугало. И дело даже не в том, что он держал мачете, а в том, что все это было нелепо, необъяснимо. Слепленный молнией, Карлос ничего не видел, а слышал только собственное дыхание в душном безмолвии полей.

Молния снова высветила всё с предельной фотографической четкостью: далекие синие горы, поля *каныи** с островками пальм и красную дорогу. Незнакомец за это время переместился и оказался перед стеной тростника высотой в два его роста и держал мачете так, будто собирался рубить тростник. Ночью? В грозу? Карлос наблюдал за ним, стоя на дороге с велосипедом. На его счастье, занялась чередой молний, будто в небе заплясала электрическая дуга, — и свет не гас несколько долгих секунд.

Карлос боялся, но это был отдельный от него страх, отстраненный, как во сне, когда знаешь, что все это неправда и на крайний случай есть возможность проснуться.

— Эй, ты что тут делаешь?! — Карлос не смог перекричать долетевший запоздало гром.

А сам-то он что делал за полночь в тростниковых полях? Если бы кто-нибудь спросил его, он не смог бы объяснить внятно. Он всегда чувствовал: с этим полем что-то не так. И вот теперь этот парень в красных сапогах! В новой вспышке молнии Карлос увидел, как парень вошел в стену тростника и растворился в ней.

Бросив велосипед на дороге, Карлос побежал к полю. В слепящих всполохах под раскаты грома он нашел

---

* *Канья* (исп. *caña*) — тростник.

проход, проложенный незнакомцем в чаще, и двинулся вперед. Каждую секунду Карлос ждал, что столкнется с ним, с этим — кем бы он ни был. И что тогда произойдет? Риск наткнуться на парня внушал Карлосу панический страх — и безумную надежду. Он давно ждал этой встречи. Что-то должно было случиться — и вот случилось. Карлос не мог упустить этот шанс. Стебли каньи хлестали его по лицу. Он споткнулся и упал; шлепанцы слетели с ног. Искать их в темноте не было времени. Он побежал дальше босой. Ничего не видел и ничего не слышал за раскатами грома. И вдруг мир в полной тишине расплавился и потек. Карлос ощутил нестерпимый жар внутри и снаружи и увидел, что тростник вокруг него пылает голубым пламенем. Что это? Он в эпицентре атомного взрыва? Карлос упал, и тут же потоки воды обрушились на него с неба, будто сработала система пожаротушения...

2

Полковник вошел с раскаленной площади на душную террасу гостиницы «Инглатёрра» и, с раздражением покосившись на музыкантов, сел за свободный столик. Был еще только полдень, и в барах Старой Гаваны официанты только расставляли столы и стулья, а здесь уже знойно ныли гитары и несколько пережаренных на солнце европейцев уже пили ледяной дайкири, с утра усердствуя в выполнении кубинской туристической программы. От Капитолия до бульвара Прадо и дальше до маяка и синеющей полоски моря все плыло и плавилось в горячем воздухе.

Полковник посмотрел на часы. Чудак опаздывал. Почему он назначил встречу здесь, в центровом туристическом месте? Это было странно, тем более что

полковнику этот чудак представлялся бедным, вряд ли способным заплатить за выпивку в баре. Впечатление это составилось как-то само собой, хотя они никогда не встречались и единственный раз говорили вчера по телефону о странных вещах. Может, оттого этот Карлос, как он себя назвал, и произвел впечатление бедного чудака, что говорил о странных вещах, о которых нормальные люди по телефону не разговаривают.

Музыканты ласково затаили «Гуантанамэра», полковник поморщился. Жаркий хаос дня, смех туристов и эта чертова музыка — все его бесило. Кроме того, полковник чувствовал себя дураком. Согласившись вчера на эту встречу, он проявил слабость и стыдился этого.

Диего Альварес, полковник медицинской службы Революционных вооруженных сил Республики Куба, форму носил редко и сейчас пришел в гражданском: черная майка и джинсы. Худощавый и подтянутый; волосы едва тронуты сединой — в свои пятьдесят три он выглядел на сорок восемь, на кубинские сорок восемь. На Кубе люди в основном хорошо сохраняются до самой смерти.

Чудак по имени Карлос опаздывал. Вчера по телефону он сказал, что будет в шляпе. Еще одна странность. В Гаване шляпы носят только иностранцы. Для столичного жителя шляпа — признак гуахиро, крестьянина. Разумеется, он не иностранец, значит — крестьянин? Полковник смотрел на площадь, на вереницу прохожих, на их головы. Вот идет какой-то в шляпе. Нет, прошел. Этот в шляпе — иностранец. И этот...

На террасу вошел долговязый, сутулый тип в шляпе, лет... черт его знает, сколько ему было лет — не меньше сорока и не больше семидесяти. Он подошел и сел напротив, не сняв шляпы с широкими полями. Он и в самом деле был похож на крестьянина.

— Я Карлос, — сказал он, уставившись себе под ноги.

Полковник молча его разглядывал, даже не думая изображать любезность. Его предположение насчет ничтожности этой личности, кажется, полностью оправдывалось. Широкие скулы, широкий кривой нос, тяжелая челюсть — он выглядел как боксер, которого много били по лицу и разбили его до состояния бугристого блина. Но узкие, покатые плечи и широкий таз вступали в резкое противоречие с боксерской брутальностью лица. Хотя Карлос был белый, в родословной, видимо, отметились и рабы, но довольно давно, поколений пять назад.

— Вы опоздали на двадцать минут, я уже хотел уйти, — сказал полковник.

Карлос только кивнул невозмутимо.

— Вы принесли кровь? — спросил он, глядя в сторону.

— Нет...

— Почему? Я же говорил вам — нужна ее кровь. Без крови ничего не получится...

Полковник смотрел на жалкого самозванца и не понимал, как он — хирург с тридцатилетним стажем — оказался здесь, дал обмануть себя, будто необразованный крестьянин. Прибежал, стоило только поманить его призрачной надеждой. Этот тип будто загипнотизировал его по телефону...

Вчера зазвонил мобильный. Номер был незнакомый, но полковник ответил:

— Да...

— Полковник Альварес?

— Да. Кто это?

— Меня зовут Карлос. Я могу вылечить вашу де-вушку. — Голос был тихий и бесцветный.

— Что?

— Я могу вылечить Клаудию.

— ... Вы кто?

— Карлос...

— Это я понял. Вы врач?

— Нет. Я... сантэро*...

— А... Нет, я не нуждаюсь...

— Принесите мне ее кровь.

— Что?!

— Мне нужна ее кровь... для анализа... Я скажу вам, что с ней...

— Я знаю, что с ней. Я врач, если вы не в курсе.

— Я в курсе... У нее избыток сахара в крови... очень большой. Она в диабетической коме. Это неизлечимо. Но я могу...

— Послушайте, я не знаю, откуда у вас эта информация, но это не ваше дело.

— Давайте встретимся завтра. Я вам все объясню, но мне нужна ее кровь, немного — хоть капля...

Полковник занес палец над красной кнопкой.

— Алло. Вы меня слышите? — сказал безжизненный голос в телефоне.

— Да... — Что-то заставляло полковника продолжать этот разговор.

— Я понимаю, вас удивляет мой звонок, но я действительно могу помочь.

— Послушайте, я не являюсь адептом сантерии...

— Это неважно...

— И я не верю во все это...

— И это неважно.

— А что важно?

— Важно, чтобы она жила, ваша Клаудия. Правда?

---

* Сантэро (*исп. santero*) — последователь афро-кубинского культа сантерии, синкретической религии, объединившей элементы верований народа йоруба и католицизма.

— А вам-то что до этого?

— Ну, скажем... я добрый человек, — сказал голос с полнейшим безразличием. — Полковник, что вы теряете, если поговорите со мной? Завтра в двенадцать на террасе гостиницы «Ингландерра». Я буду в шляпе...

И вот он — чудотворец. Сидит в своей дурацкой шляпе с таким видом, будто это не он напросился, а полковник долго его упрашивал. Собственно, никакого вида он и не делал, просто ему было плевать. Подошел официант, и Карлос заказал двойную порцию рома, а полковник — свежавыжатый апельсиновый сок.

— У вас есть чем заплатить за ром? — спросил полковник, когда официант ушел.

— Нет. У вас есть...

— С чего мне платить за ваш ром?

Карлос пропустил это мимо ушей.

— Как вы меня нашли? Вообще, как вы узнали о болезни Клаудии?

— Я потом объясню. Мне нужна ее кровь.

— Послушайте! Я еще ничего не решил, а вы уже даете мне дурацкие задания. Почему я должен вдруг поверить, что вы сделаете то, что не удалось лучшим врачам страны. Я сам врач! Объясните мне, почему...

— Я вам покажу, но для этого нужна кровь. — Карлос впервые посмотрел полковнику в лицо. — Дайте вашу... — Карлос подвинул полковнику столовый нож. — Надрежьте палец.

— Зачем?

— Мне нужна кровь. Режьте.

Полковник с раздражением разглядывал Карлоса.

— Ну, что? — Карлос впервые проявил нетерпение. — Вы хотите вытащить ее с того света, а боитесь палец порезать? Зачем вы пришли? Вы — врач? Ну так

идите и вылечите ее! Не можете? Тогда делайте, что я говорю, или я пошел.

Мысленно ругая себя, полковник взял тупой столовый нож и с некоторым усилием пропилил подушечку безымянного пальца. Выступила кровь. Карлос неожиданно цепко схватил полковника за палец и, подставив свой стакан, выдавил в ром каплю крови. Полковник инстинктивно отдернул руку, но не успел даже удивиться, как Карлос удивил его еще больше: он поболтал ром в стакане и сделал пару глотков.

— Неделю назад вы вернулись с Гаити, — сказал Карлос после вдумчивой паузы.

— Допустим...

— Там вы с ней познакомились, с Клаудией.

— Ну да... И что?

Они смотрели друг на друга.

— Вы хотите сказать, что узнали все это, выпив... каплю моей крови? — Полковник даже скривился брезгливо, так все это было нелепо.

Карлос же просто кивнул. Полковник усмехнулся и поискал глазами официанта, попросить счет. Конечно, этот жулик проделал определенную работу, собирая о нем сплетни, но на чудо это не тянуло.

— Вашу жену зовут Элена. У вас дочь... — продолжал Карлос.

Удивил. Полковник уже ушел бы, но надо же было заплатить. Карлос видел, что полковник не слушает, но его это не смущало, и он продолжал негромко:

— Вашей дочери сейчас тридцать лет. Когда вы взяли ее на руки в роддоме, вы сказали нянечке: «Подождите, это же мальчик! А у меня дочь!» А нянечка сказала: «Да что вы, папаша, вы пеленку-то отверните! Это ваша девочка!»

Полковник перестал смотреть по сторонам и уставился на Карлоса.